

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья

УДК 903.2

doi: 10.17223/19988613/95/23

Новые материалы комплекса Быстрянка: к вопросу о начальном этапе истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени

Юрий Тапасович Мамадаков¹, Николай Николаевич Серегин²,
Святослав Сергеевич Радовский³, Владимир Петрович Семибратов⁴

¹ Научный центр «Наследие Сибири», Барнаул, Россия

^{2,3,4} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ utm54@yandex.ru

² nikolay-seregin@mail.ru

³ radovskiy1996@mail.ru

⁴ semibratovvladimir@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации новых материалов раскопок на комплексе Быстрянка в северных предгорьях Алтая. Осуществлен анализ зафиксированных сооружений, а также обнаруженного инвентаря в контексте полученных ранее сведений об объектах данного памятника. Представлены основания для определения датировки каменно-земляных объектов Быстрянского некрополя и публикуемого кургана № 3 в рамках 1-й половины – середины VI в. до н.э. Установлено, что обозначенные комплексы отражают сложные процессы сложения быстрянской археологической культуры.

Ключевые слова: быстрянская культура, северные предгорья Алтая, погребальный комплекс, ранний железный век, хронология

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации программы развития Алтайского государственного университета «Приоритет 2030».

Для цитирования: Мамадаков Ю.Т., Серегин Н.Н., Радовский С.С., Семибратов В.П. Новые материалы комплекса Быстрянка: к вопросу о начальном этапе истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 181–191. doi: 10.17223/19988613/95/23

Original article

New materials of the Bystryanka complex: to the question of the initial stage of the history of the population of the Altai northern foothills in the Scythian-Saka period

Yuri T. Mamadakov¹, Nikolay N. Seregin², Svyatoslav S. Radovsky³, Vladimir P. Semibratov⁴

¹ Scientific Center “Heritage of Siberia”, Barnaul, Russian Federation

^{2,3,4} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ utm54@yandex.ru

² nikolay-seregin@mail.ru

³ radovskiy1996@mail.ru

⁴ semibratovvladimir@mail.ru

Abstract. One of the topical problems of the archeology of North and Central Asia remains the low degree of knowledge about the processes of formation of nomadic communities in the Scythian-Saka time. The purpose of this article is the publication of new materials of the Bystryanka necropolis, located in the northern foothills of Altai and being eponymous for the Bystryanka archaeological culture. The source base of the work was, first of all, the results of the study of three burial mounds of the site (No. 2, 3, 26). In addition, the study involved information about other objects of the Bystryanka burial ground, as well as materials from excavations of the Altai complexes and adjacent territories of the Scythian era.

The study is based on an integrated approach that involves the use of various methods. As part of the characteristics of the accompanying inventory items from the published burials, the method of morphological analysis was used, as well as the method of analogies, which made it possible to clarify the dating of the discovered items. A certain amount of information was obtained in the course of studying the recorded characteristics of the funeral rite, which were compared with information about the synchronous complexes of North and Central Asia.

It has been established that at least two groups of objects are distinguished in the Bystryanka necropolis, characterized by a number of features: 1) relatively small earth mounds; there is no accompanying horse burial; a rather small inventory, as a rule, included ceramic dishes; 2) large stone and earth embankments (up to 40m in diameter); accompanying burial of a horse in the same grave with a person or in a separate chamber; representative inventory, which included weapons and items made of precious metals. New excavation materials confirm this differentiation: mound No. 2 belongs to the first group, and objects No. 3 and 26 belong to the second.

The analysis of the materials obtained allows us to conclude that the culture of the population that left the published burials of the Bystryanka necropolis has a «transitional» image. Taking into account some features of the inventory (the spread of weapons, an increase in the number of iron products), as well as a change in the funeral rite, which is not directly comparable with the traditions of the population of the Biye and Mayemir cultures, there are grounds for narrowing the dating of the stone and earthen objects of the Bystryanka necropolis, including the published mound No. 3, within the first half – the middle of the VI century BC. The materials obtained reflect the complex processes of the formation of the Bystryanka archaeological culture.

Keywords: Bystryan culture, northern foothills of Altai, burial complex, early Iron Age, chronology

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Altai State University development program “Priority 2030”.

For citation: Mamadakov, Yu.T., Seregin, N.N., Radovsky, S.S., Semibratov, V.P. (2025) New materials of the Bystryanka complex: to the question of the initial stage of the history of the population of the Altai northern foothills in the Scythian-Saka period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 181–191. doi: 10.17223/19988613/95/23

Введение

Несмотря на то, что комплекс Быстрянка (Быстрянский могильник) выступает эпонимным для обозначения культуры населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, его интерпретация не вполне однозначна. Материалы, полученные в ходе раскопок памятника, оказались неоднородными, что стало причиной формирования различных концепций исследователей о культурной и хронологической принадлежности объектов некрополя.

Первые исследования на комплексе Быстрянка, включавшие раскопки 14 курганов раннего железного века, осуществлены Алтайской экспедицией Общества изучения Сибири под руководством директора Бийского музея С.М. Сергеева в 1930 г. [1]. В 1932 г. А.П. Марковым по заданию Новосибирского музея на площади могильника изучено еще пять курганов этого же времени [2]. Продолжение работ на некрополе связано с масштабными изысканиями Саяно-Алтайской экспедиции под общим руководством С.В. Киселева в 1935 г. В рамках этих исследований С.М. Сергеевым и А.П. Марковым раскопано 15 объектов [3]. В опубликованных материалах отмечено разделение вскрытых курганов на две группы: более крупные, с насыпью из земли, обложенной булыжником, и небольшие, с земляной надмогильной конструкцией [4. С. 90–92; 5. С. 629–632; 6. С. 61].

К настоящему времени в научный оборот введены лишь результаты раскопок 1930 г. [6], а также кратко представлены сведения о работах, осуществленных в 1935 г. [4. С. 90–92; 5. С. 629–632]. Полученные материалы демонстрируют вариативность обрядовой практики и материальной культуры населения, оставившего Быстрянский некрополь. Анализ сформированных

данных позволил исследователям предположить, что комплекс создавался в разное время и демонстрирует существование нескольких культурных групп [7. С. 129–130; 8. С. 286–287; 9. С. 161–162]. Ряд специалистов относят изученные объекты к быстрянской археологической культуре [10. С. 56; 11. С. 234; 12. С. 138].

Одним из факторов, определяющих значение материалов Быстрянского некрополя, является наличие в его составе погребений, относящихся к начальным этапам истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Фиксация раннего комплекса объектов позволяет рассматривать ряд дискуссионных вопросов, связанных с реконструкцией процессов сложения культур региона обозначенного периода. Данное обстоятельство определяет как актуальность детального анализа уже имеющихся материалов, так и продолжение точечных исследований на памятнике. В настоящей статье представлены результаты раскопок трех курганов Быстрянского некрополя, а также различные аспекты их интерпретации в контексте современных представлений об истории Алтая и сопредельных территорий скифской эпохи.

Характеристика источников

Археологический комплекс Быстрянка расположен к югу и юго-востоку от одноименного села, по обе стороны от Чуйского тракта, в Красногорском районе Алтайского края (рис. 1).

После долгого перерыва в 1999–2000 гг. раскопки на данном памятнике осуществлены Быстрянским археологическим отрядом Научно-исследовательского сектора Алтайского государственного университета под руководством Ю.Т. Мамадакова. Основной задачей экспедиции стало исследование объектов, попадавших

в зону реконструкции Чуйского тракта. В результате было раскопано три кургана: два в 1999 г. (№ 2, 3) и

один в 2000 г. (№ 26), расположенных в северной части комплекса (рис. 2).

Рис. 1. Расположение комплекса Быстрянка.

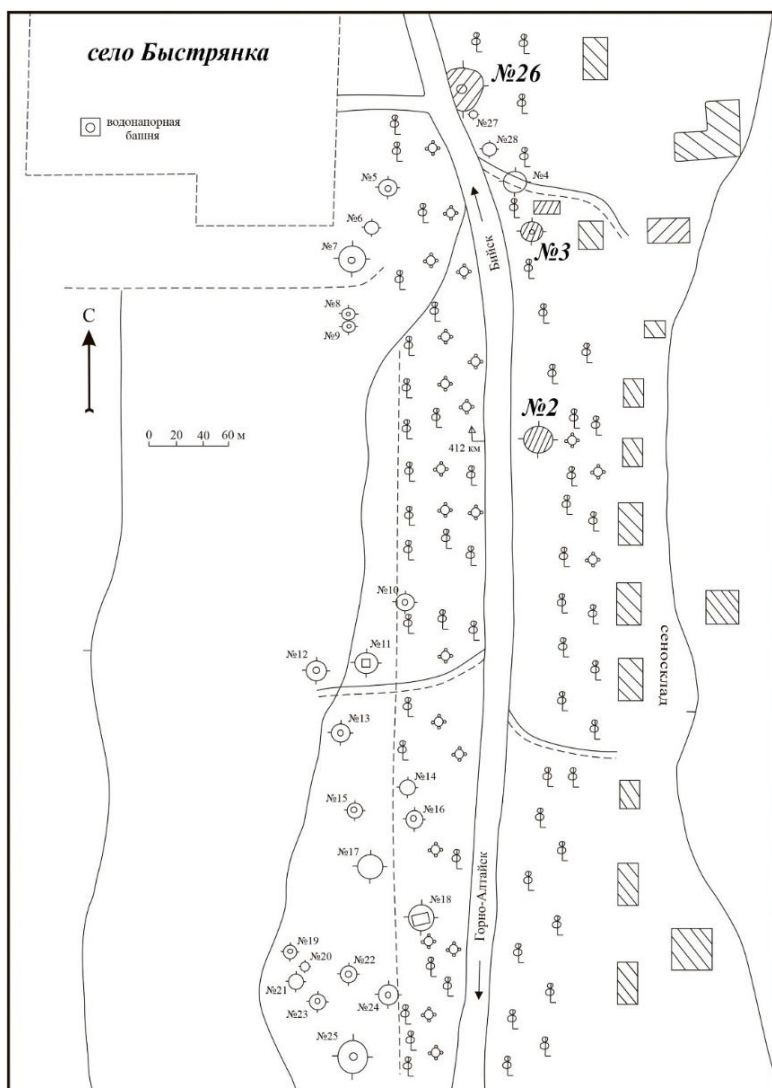

Рис. 2. План комплекса Быстрянка

Курган № 2 до раскопок представлял собой задернованную земляную насыпь подовальной формы, вытянутую с юго-востока на северо-запад. Размеры объекта – $8,5 \times 7,5$ м, максимальная высота – 0,65 м. Северо-западный сектор насыпи частично разрушен в ходе строительных работ на Чуйском тракте. Под наземной конструкцией на уровне материка выявлены контуры подовальной ямы, ориентированной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Размеры могильного пятна составляли $2,5 \times 1,87$ м.

Верхние слои могилы подвергались частым физическим воздействиям, что фиксируется по меняющимся контурам погребения (рис. 3). Установлено, что захоронение совершено в подпрямоугольной яме с закругленными углами (размеры $1,85 \times 1,04$ м при глубине 1,7 м), ориентированной по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Погребение оказалось ограблено в древности. В могиле зафиксированы скопления костей человека, локализованные в западной и восточной частях ямы. Разрозненность останков умершего не позволяет достоверно определить положение и ориентировку.

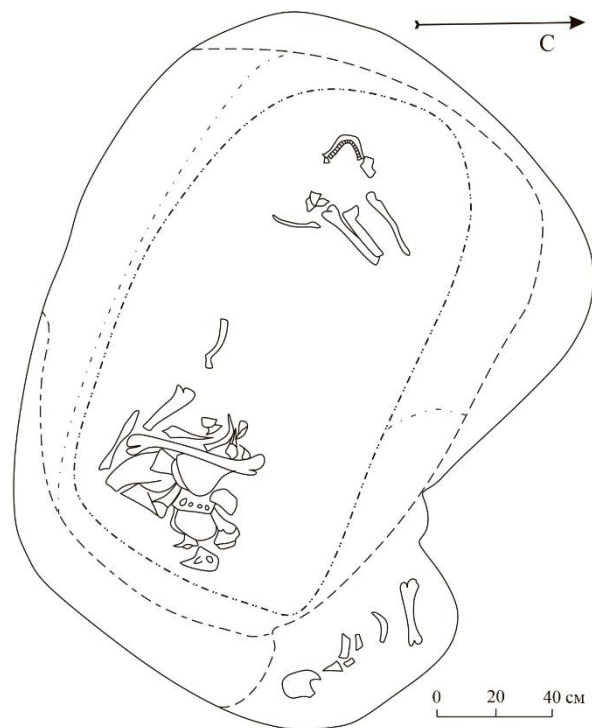

Рис. 3. Быстринский некрополь. План погребения кургана № 2 (раскопки 1999 г.)

Какие-либо дополнительные конструкции и предметы инвентаря не обнаружены.

Курган № 3 представлял собой задернованную и поросшую деревьями насыпь слегка подовальной формы, вытянутую по линии север-юг. Размеры наземной конструкции составили 18×16 м, максимальная высота – 1,4 м. В центральной части кургана видна западина с задернованными камнями глубиной до 0,8 м. Образовавшаяся яма некоторое время использовалась местными жителями как место для свалки мусора. Северо-восточная часть насыпи разрушена в ходе строительных работ, а северо-западный сектор – при прокладке полевой дороги.

После снятия дерна и зачистки камней выявлена частично разрушенная крепида кургана, состоявшая из крупных булыжников, аккуратно подогнанных друг к другу. Установлено, что наземная конструкция представляла собой земляную насыпь, обложенную камнем в два-три слоя. На глубине 1,25 м от наивысшей точки кургана выявлены нечеткие контуры ямы, нарушенной грабительским раскопом.

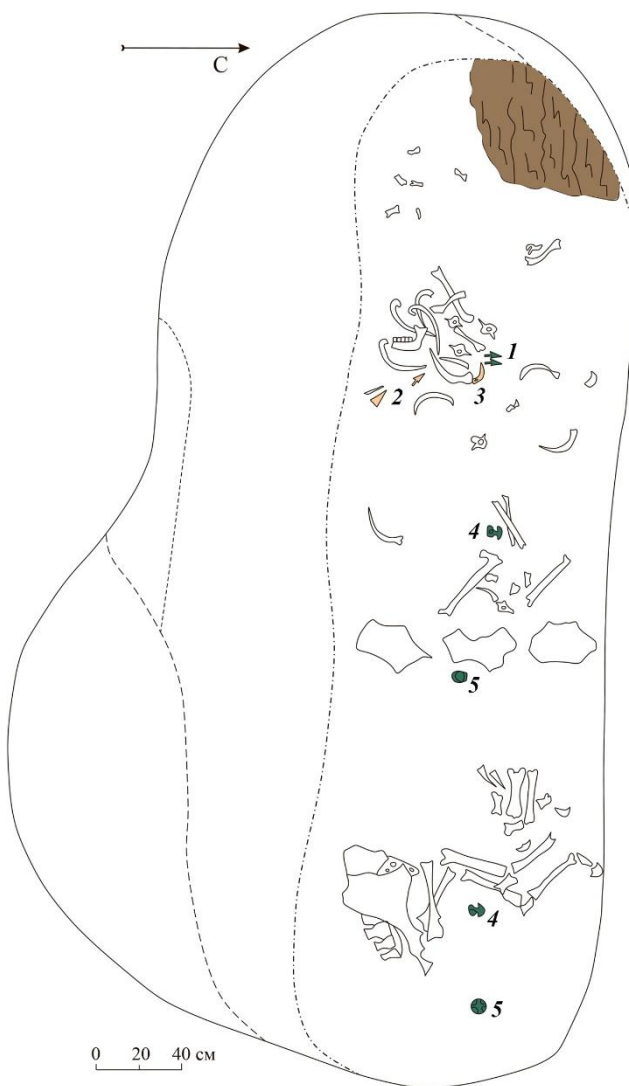

Рис. 4. Быстринский некрополь. План погребения кургана № 3 (раскопки 1999 г.): 1 – бронзовый наконечник стрелы; 2 – костяной наконечник стрелы; 3 – клык кабана; 4 – бронзовая застежка; 5 – бронзовый распределитель ремней

Изначальные границы подпрямоугольной центральной ямы с закругленными углами зафиксированы на глубине 2 м, до которой доходил грабительский раскоп. Размеры могилы, имевшей отвесные стенки и ориентированной по линии запад–восток, составили $4,9 \times 1,45$ м, глубина – до 3,2 м. На дне ямы обнаружено частично ограбленное захоронение человека в сопровождении лошади (рис. 4).

Останки умершего, сильно потревоженные грабителями, находились в западной и центральной частях могилы. Над костяком в некоторых местах сохранились фрагменты деревянного перекрытия. Судя по зафиксированной ситуации, человек был ориентирован головой в западный сектор горизонта. Среди костей погребенного обнаружено два бронзовых и два костяных наконечника стрел, а также клык кабана с просверленным отверстием. Отметим, что последняя из перечисленных находок могла относиться к конскому снаряжению.

Сопроводительное захоронение лошади, также нарушенное в ходе ограбления, выявлено в восточной части могильной ямы. Животное находилось на земляном приступке.

Судя по неповрежденным костям задних конечностей, с большой долей вероятности лошадь была уложена на левый бок и ориентирована головой на запад. Среди костей животного, а также в центральной части могилы обнаружены элементы снаряжения, изготовленные из бронзы: две уздечные застёжки, целый распределитель ремней и фрагмент такого же изделия, а также две ворворки.

Курган № 26 до раскопок представлял собой задернованную насыпь округлой формы диаметром 36 м и высотой до 2,5 м. Юго-западная и северо-восточная части наземной конструкции сильно разрушены в ходе строительных работ на Чуйском тракте и при прокладке кабеля телефонной связи. В центре кургана фиксировалась западина (размеры $5,8 \times 5$ м, глубина 0,95 м), вытянутая с севера–северо-востока на юг–юго-запад. От нее в северном направлении шла канава-траншея размерами 9×2 м, глубиной 0,9 м. В ходе работ установлено, что насыпь состояла из земли, обложенной камнями в один–два слоя. У основания кургана зафиксирована частично разрушенная крепида из крупных булыжников.

Под наземной конструкцией на уровне материка выявлены контуры округлой ямы, диаметр которой составил 4,5 м. В заполнении могилы на разном уровне встречены рваные камни и кости животных. Дно могилы зафиксировано на глубине 2,65 м. В ходе раскопок останки человека и какие-либо предметы не обнаружены. Вероятно, объект был полностью ограблен в древности. Вместе с тем нельзя исключать, что раскопки данного кургана были осуществлены в 1930-е гг., хотя какая-либо информация об этом отсутствует.

Несмотря на ограбленность всех раскопанных объектов, в ходе исследований получен определенный объем информации об особенностях наземных и внутримогильных конструкций, специфике обрядовой практики, а также о составе предметного комплекса.

Анализ и интерпретация материалов

При осуществлении культурно-хронологической интерпретации погребений, раскопанных в 1999–2000 гг. целесообразно использовать материалы предшествующих исследований Быстрянского некрополя. Представляется возможным утверждать, что на памятнике выделяются по меньшей мере две группы объектов, характеризующихся следующими отличительными признаками:

1) земляные курганы относительно малых размеров; сопроводительное захоронение лошади отсутствует; довольно немногочисленный инвентарь, как правило, включал керамическую посуду;

2) крупные каменно-земляные насыпи (до 40 м в диаметре); сопроводительное захоронение лошади в одной могиле с человеком или в отдельной камере; представительный инвентарь, в состав которого входили предметы вооружения и изделия из драгоценных металлов.

Примечательно, что, по заключению С.М. Сергеева и А.П. Маркова, объекты первой группы включали захоронения женщин и детей, в то время как под каменно-земляными курганами, вероятно, были похоронены мужчины-воины [2; 6. С. 65]. Данное наблюдение подтверждается зафиксированным составом инвентаря, однако следует признать, что при отсутствии антропологических определений любые заключения являются преждевременными. Также сложно пока сделать однозначные выводы по поводу хронологического соотношения выделенных групп, основой для чего должны стать как детальное изучение обнаруженного предметного комплекса, так и данные радиоуглеродного анализа.

Судя по имеющимся материалам, курган № 2 (раскопки 1999 г.) относится к первой группе объектов. На это указывают главным образом земляная насыпь небольших размеров и отсутствие сопроводительного захоронения лошади. Принимая во внимание выявленную западную ориентировку большинства погребенных на Быстряном некрополе [4. С. 91–92; 6. С. 65], можно предполагать таковую и для рассматриваемого объекта.

Курган № 3, очевидно, должен быть включен во вторую группу сооружений. Его отличают довольно крупная каменно-земляная насыпь, наличие сопроводительного захоронения лошади и присутствие предметов вооружения в инвентаре. При этом, учитывая ограбленность объекта, предметный комплекс погребения, очевидно, был гораздо представительнее. Возможно, ко второй группе относится и курган № 26, имевший схожую структуру и размеры насыпи. Не исключено, что находки отдельных костей животных в заполнении могильной ямы были связаны с захоронением лошади.

Для определения культурной принадлежности раскопанных комплексов наибольшее значение имеет курган № 3. С одной стороны, ряд характеристик объекта соответствует погребальной практике населения быстрянской культуры: насыпь в виде земляного холма, обложенного булыжником; значительная глубина могилы; наличие деревянного перекрытия; располо-

жение взнузданной лошади на приступке; ориентировка умершего человека и животного в западный сектор горизонта [10. С. 56–58; 13; 14]. Вместе с тем заметны некоторые отклонения от условного «стандарта» обрядности обозначенной общности. Во-первых, захоронение лошади расположено не как обычно (к югу от человека, справа от него), а в ногах и с востока, частично над умершим. Похожие ситуации крайне редко фиксируются в ходе раскопок комплексов быстрианской культуры. Во-вторых, не совсем типичен набор инвентаря. В погребениях быстрианской культуры наиболее распространенной категорией находок является керамическая посуда. При этом ни в одном из каменно-земляных объектов Быстрианского некрополя такие изделия не выявлены. Кроме того, довольно своеобразным является значительное количество предметов вооружения, обнаруженного в ходе раскопок таких курганов обозначенного памятника.

Несмотря на фиксацию в составе сопроводительно-го инвентаря, выявленного в погребениях под каменно-земляными курганами Быстрианского некрополя, явных параллелей с комплексами раннескифского времени, напрямую связать рассматриваемые объекты с майэмирской или бийкенской культурами не представляется возможным. По совокупности характеристик обрядовой практики (наземные конструкции, погребальная камера, положение и ориентировка умершего человека, а также наборы вещей) традиции населения обозначенных общностей имеют ряд серьезных отличий [15–17].

Определение хронологии публикуемых объектов в значительной степени основывается на рассмотрении облика предметов, происходящих из погребения кургана № 3. Довольно показательны два бронзовых наконечника стрел, имеющие черешковый способ насада (рис. 5, 1, 2, 6, 1). Длина первого изделия – 5 см, второй образец несколько крупнее – 5,6 см. Черешки обоих предметов округлые в сечении, в месте насада на древко уплощены, у одного из наконечников ближе к основанию имеется утолщение; жалыца предметов оттянуты книзу. В монографии О.С. Лихачевой [12. С. 43] рассматриваемые находки отнесены к трехлопастным наконечникам с треугольным абрисом пера. На наш взгляд, второе изделие имеет утяжеленный трехгранный боек и сводчатую форму пера, поэтому его следует отнести к трехгранно-трехлопастным наконечникам килевидного абриса.

Аналогии первому бронзовому наконечнику происходят в основном с территории лесостепного и предгорного Алтая, из материалов быстрианской, каменской и староалейской культур [18. Рис. 3, 9, 10; 19. Рис. 5, 10, 13, 11; 20. Рис. 42, 8, 9; 21. Рис. 110, 6–9]. В предметном комплексе кочевников горной части региона таких изделий существенно меньше [22. С. 88. Рис. 1, 2–6]. Отметим, что у одного из наконечников, обнаруженных в ходе раскопок погребения бийкенской культуры некрополя Элекманар-II, обнаружено утолщение на черешке, подобное находке из кургана № 3 Быстрианского могильника [23. Рис. 6, 11]. Предметы такого типа, зафиксированные на Алтае, датированы О.С. Лихачевой [12. С. 53] в рамках VII–III вв. до н.э. По мнению В.Д. Кубарева и П.И. Шульги [24. С. 91–92], подобные

изделия появились в раннескифское время и получили наибольшее распространение в V–IV вв. до н.э.

Второй бронзовый наконечник стрелы из кургана № 3 имеет аналогии в материалах отдельных комплексов Алтая раннескифского времени [23. Рис. 6, 11; 24. С. 91. Рис. 69, 1], а также ранних памятников каменской и староалейской культур [19. Рис. 9, 6; 25. Рис. 2]. Кроме того, схожие морфологические характеристики зафиксированы у изделий из кургана № 8 могильника Быстрианка (раскопки 1930 г.) [6. Рис. 2, 20–21], находок из объекта № 27 некрополя Балык-Соок-I [24. Рис. 12, 12–13] и кургана № 2 комплекса Нижняя Каянча [26. С. 243. Рис. 1, 2]. Наконечники из двух последних обозначенных памятников так же, как находка из кургана № 3, отличаются удлиненным черешком, что, вероятно, свидетельствует о хронологической близости рассматриваемых предметов вооружения.

В специальной литературе представлен ряд суждений о времени бытования наконечников стрел такого типа у населения Алтая и сопредельных территорий. По мнению Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина [15. С. 83], подобные предметы существовали в VII–V вв. до н.э., однако наиболее вероятный период их массового использования пришелся на VI в. до н.э. Согласно заключению В.Д. Кубарева и П.И. Шульги [24. С. 91–92], наконечники стрел с обозначенными морфологическими характеристиками получили распространение в восточной части Евразии в VII–VI вв. до н.э., и к V–IV вв. до н.э. постепенно трансформировались в облегченные трехлопастные типы изделий. О.С. Лихачевой [12. С. 54] рассматриваемые предметы вооружения датированы в рамках VII–III до н.э.

Наряду с бронзовыми наконечниками стрел в могиле обнаружены два костяных (рис. 5, 3–4, 6, 2–3). Первый предмет (рис. 5, 3, 6, 2) черешковый, трехгранный, со сводчатой головкой; в его основании оформлены подтреугольные вырезы, образующие шипы. Наконечник довольно крупный: длина его составляет 7,1 см. Одна из граней изделия имеет слабовыраженную приталенность, что несколько сближает его с башневидными наконечниками. Многочисленные аналогии рассматриваемой находке известны в материалах раскопок комплексов скифской эпохи Алтая [27. Рис. 4, 23–26; 28. Рис. 24, 25; 21. Рис. 111, 2а], в том числе в объектах предгорной части региона [29. Рис. 6, 4–5; 30. Рис. 2, 24–25].

Второй костяной наконечник (рис. 5, 4, 6, 3) имеет втульчатый способ насада и трехгранное сечение. Общая длина изделия составляет 5,2 см. Подобные предметы получили несколько меньшее распространение в памятниках Алтая скифской эпохи, однако также имеют серию аналогий [21. Рис. 111, 5б; 24. Рис. 12, 9; 28. Рис. 26, 3; 31. Рис. 3, 4]. Следует отметить, что костяные наконечники из кургана № 3 выполнены достаточно небрежно, форма предметов неровная, часть граней слабо выражена или отсутствует.

С точки зрения уточнения времени сооружения кургана № 3 определенное значение имеют предметы конского снаряжения, обнаруженные в погребении. При этом следует отметить, что в захоронении находился далеко не полный комплект сбруи, что, очевидно, связано с ограбленностью объекта.

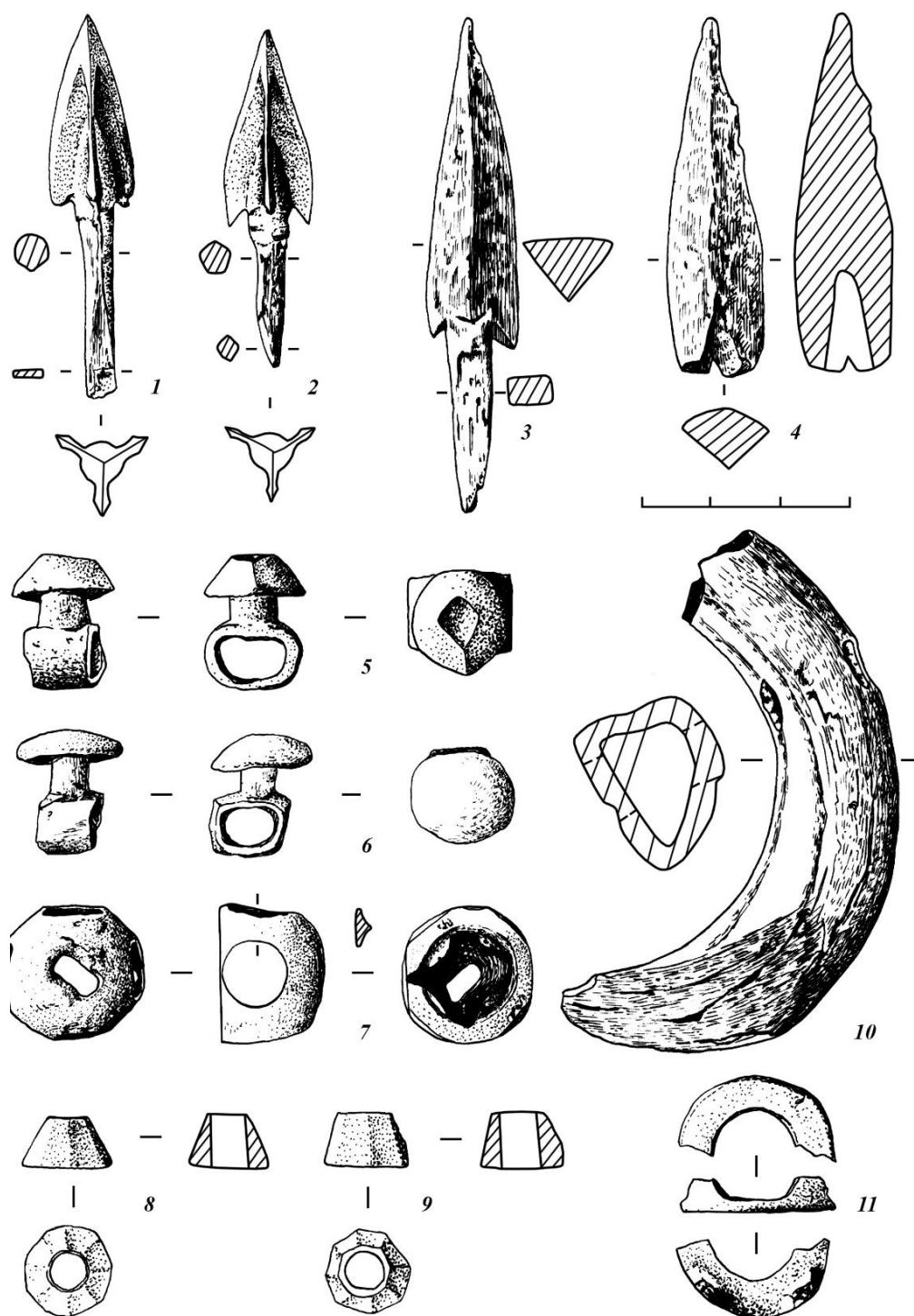

Рис. 5. Быстрянский некрополь. Предметы инвентаря из погребения кургана № 3:
1–2, 5–9, 11 – бронза; 3–4, 10 – кость, рог

Две бронзовые застежки (рис. 5, 5, 6, 6, 4, 5) представляют собой изделия в виде подовального или округлого кольца с шляпкой на шпильке. Края шляпки одной из находок в нижней части загнуты, образуя грань, у второй – опущены плавно. Такие предметы обычно рассматриваются исследователями в качестве застежек ремней конской сбруи [15. С. 72]. По мнению П.И. Шульги [16. С. 82, 94], они использовались для фиксации подбородных и нагрудных ремней. Судя по имеющимся материалам, застежки рассматриваемого типа получили довольно широкое распространение

у населения Алтае-Саянского региона и Казахстана в раннескифское время [15. С. 72; 16. С. 82; 32. С. 59]. Наиболее близкие аналогии изделиям из погребения кургана № 3 Быстрянского некрополя происходят из памятников майэмирской культуры [16. Рис. 58]. Подобный же предмет обнаружен А.П. Марковым в захоронении объекта № 21 могильника Суртайка-I [2; 33. Рис. 3, 9].

Другим элементом конского снаряжения являются два распределителя ремней, представленные одним целым изделием и фрагментом (рис. 5, 7, 11, 6, 6, 7).

Диаметр сохранившегося полностью предмета составляет 2,1 см, высота – 1,9 см. Такие распределители были весьма распространенным элементом матери-

альной культуры кочевников Алтая и сопредельных территорий раннескифского времени [15. С. 72; 16. С. 80–81; 32. С. 57–59].

Рис. 6. Быстрианский некрополь. Предметы инвентаря из погребения кургана № 3: 1, 4–9 – бронза; 2–3, 10 – кость, рог

Столь же частой находкой в археологических комплексах рассматриваемого региона были ворворки, изготовленные из кости или цветного металла. Бронзовые изделия, обнаруженные в погребении кургана № 3 Быстрианского некрополя (рис. 5, 8, 9, 6, 8, 9), имеют традиционную конусовидную форму и грани на внешней поверхности. Диаметр публикуемых предметов – 1,2–1,4 см. По мнению П.И. Шульги [16. С. 84–85], большинство ворворок в сбруе использовалось для застегивания суголовных, реже холочных ремней. Близкие аналогии публикуемым предметам происходят из археологических комплексов Горного Алтая и северо-западных предгорий раннескифского времени [15. Рис. 39, 7, 56, 5; 16. Рис. 59, 1–15].

Вероятно, к конскому снаряжению относится также подвеска из нижнего клыка кабана (рис. 5, 10, 6, 10). Подобные изделия, вероятнее всего, использовали для украшения узды или седельных ремней [34. С. 127]. Находка из погребения кургана № 3 имеет отверстие в верхней части диаметром 0,7 см. Длина изделия – 8,1 см, ширина – 2,3 см. Наиболее ранними свидетель-

ствами использования подобных предметов в конской сбруе являются материалы комплекса Аржан-I, где просверленные клыки кабанов найдены среди костей животных [35. С. 26. Рис. 14, 3]. На Алтае схожие изделия фиксируются начиная с раннескифского времени [15. Рис. 37, 4], получая наибольшее распространение в объектах раннего этапа пазырыкской культуры [9. Рис. 16, 6; 34. Рис. 2, 4; 36. Табл. XLIX, 5–8]. Отметим, что в нескольких погребениях быстрианской культуры обнаружены имитации клыков кабана, изготовленные из рога и бронзы [10. Рис. 1, 9, 10; 30. Рис. 1, 15; 31. Рис. 6, 6].

Осуществленный анализ общих и особенных характеристик обрядовой практики и сопроводительного инвентаря позволяет сделать вывод о «переходном» облике культуры населения, оставившего публикуемые погребения Быстрианского некрополя. Наиболее полные аналогии материалам, полученным в ходе раскопок захоронения кургана № 3, происходят из комплексов Алтая и сопредельных территорий VII–V вв. до н.э. При этом зафиксированные элементы погреб-

бального обряда и обнаруженные предметы вооружения тяготеют к объектам северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, а конское снаряжение и отсутствие керамической посуды сближают объект с памятниками раннескифского периода. Принимая во внимание некоторые особенности инвентаря (распространение оружия, увеличение количества изделий из железа), а также изменение погребального обряда, несопоставимого прямым образом с традициями населения бийкенской и майэмирской культур, имеются основания для сужения датировки каменно-земляных объектов Быстрянского некрополя и рассматриваемого кургана № 3 в рамках первой половины – середины VI в. до н.э.

Заключение

Публикуемые в настоящей статье результаты раскопок Быстрянского некрополя, а также полученные в ходе предшествующих исследований данные позволяют вновь обратиться к вопросу о происхождении быстрянской культуры.

Различные аспекты реконструкции сложных процессов сложения населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени представлены в ряде работ археологов [8. С. 286–287; 36. С. 84–85; 37; 38; 39. С. 68–69; 40. С. 135–136]. Не погружаясь в детальное рассмотрение сформированной к настоящему времени историографии вопроса, отметим, что практически все исследователи указывали на участие в формировании быстрянской культуры по крайней мере двух компо-

нентов – местного (большереченского) и пришлого кочевого населения скифского круга.

Судя по имеющимся материалам, каменно-земляные курганы Быстрянского некрополя маркируют начальный этап истории одноименной культуры, в определенной степени демонстрируя процессы ее сложения. На наш взгляд, эти захоронения оставлены представителями военизированной кочевой группы, пришедшей на территорию северных предгорий Алтая в начале VI в. до н.э. (возможно, в конце VII в. до н.э.) и ассимилировавшей местное большереченское население. Результатом данного смешения стала устойчивая культура развитого этапа быстрянской общности, получившая отражение в ключевых характеристиках погребального обряда [10. С. 56–58; 13; 14].

Очевидны перспективы дальнейшего изучения как Быстрянского некрополя и других информативных комплексов, так и одноименной культуры в целом. Ключевым фактором для детализации истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени является уточнение хронологии конкретных объектов, в том числе путем системного радиоуглеродного датирования имеющихся материалов. Вероятно, определенные сведения о присутствии различных компонентов в составе общности могут быть получены в ходе палеогенетических исследований. Наконец, принимая во внимание тот факт, что раскопки значительной части погребений быстрянской культуры осуществлены в начале XX в. по устаревшей методике, большое значение имеет организация точечных раскопок для расширения пока довольно фрагментарной источниковой базы.

Список источников

1. Сергеев С.М. Материалы археологических раскопок в с. Быстрянка. Архив в 1930 г. // Архив Бийского краеведческого музея. Ф. 2. Д. 3.
2. Марков А.П. Отчет о раскопках курганных могильников у сел Быстрянского и Суртайского в 1932 г. // Архив БКМ. Ф. 2. Д. 6.
3. Сергеев С.М. Дневник раскопок у с. Быстрянского в 1935 г. // Архив БКМ. Ф. 2. Д. 19.
4. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
5. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
6. Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966. Вып. 8. С. 61–77.
7. Суразakov А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд-ние, 1989. 214 с.
8. Абдулганеев М.Т. О компонентах сложения быстрянской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 285–287.
9. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и верхнем Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Ч. II. 322 с.
10. Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 54–58.
11. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
12. Лихачёва О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. 304 с.
13. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Ориентировка погребенных в некрополях быстрянской культуры северных предгорий Алтая (скифо-сакское время) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4, № 4. С. 83–94.
14. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Погребальные сооружения населения быстрянской культуры скифо-сакского времени (северные предгорья Алтая) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4, № 1. С. 20–37.
15. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. 232 с.
16. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул: Азбука, 2008. Ч. I. 276 с.
17. Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.
18. Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 24–52.
19. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.
20. Киреев С.М., Акимов Т.А., Бородавский А.П., Бородавская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. 144 с.
21. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
22. Худяков Ю.С. Коллекция оружия скифского времени из могильника Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. С. 87–101.

23. Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 54–69.
24. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282.
25. Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 1992. С. 60–68.
26. Тишкин А.А., Кирушин Ю.Ф., Семibrатов В.П. Предметный комплекс из памятника скифо-сакского времени Нижняя Каянча на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 243–247.
27. Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 43–61.
28. Кирушин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. 292 с.
29. Полторацкая В.Н. Могильник Березовка I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 3. С. 74–88.
30. Завитухина М.П. Курганный могильник Сростки-II на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. ; М. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966. Вып. XXVII. С. 51–53.
31. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 3. С. 89–108.
32. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : РОССПЭН, 1997. 187 с.
33. Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 5–13.
34. Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 125–131.
35. Грязнов М.П. Аржан : царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 64 с.
36. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы раннего железного века на Чумыше // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 167. С. 80–86.
37. Тишкин А.А. Памятники раннего железного века лесостепного предгорья Алтая // Проблемы археологии Северной Азии : к 80-летию академика А.П. Окладникова. Чита, 1988. С. 65–66.
38. Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстринской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 118–120.
39. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб. : Вичи, 1996. 100 с.
40. Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 134–138.

References

1. Sergeev, S.M. (1930) *Materialy arkheologicheskikh raskopok v s. Bystryanka. Arkhiv v 1930 g.* [Materials of archaeological excavations in the village. Bystryanka. The Archive in 1930]. The Archive of the Biysk Museum of Local History. Fund 2. File 3.
2. Markov, A.P. (1932) *Otchet o raskopkakh kurgannykh mogil'nikov u sel Bystryanskoye i Surtayskoye v 1932 g.* [Report on excavations of burial mounds near the villages of Bystryanskoye and Surtayskoye in 1932]. The Archive of the Biysk Museum of Local History. Fund 2. File 6.
3. Sergeev, S.M. (1935) *Dnevnik raskopok u s. Bystryanskogo v 1935 g.* [Diary of excavations near the village. Bystryanskoye in 1935]. The Archive of the Biysk Museum of Local History. Fund 2. File 19.
4. Evtukhova, L.A. & Kiselev, S.V. (1941) *Otchet o rabotakh Sayano-Altayskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1935 g.* [Report on the work of the Sayano-Altai archaeological expedition in 1935]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 16. pp. 75–117.
5. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
6. Zavitukhina, M.P. (1966) *Kurgany u s. Bystryanskogo v Altayskom krae (po raskopkam S.M. Sergeeva v 1930 g.)* [Barrows near the village of Bystryanskoye in the Altai region (based on the excavations of S.M. Sergeev in 1930)]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage]. Vol. 8. Leningrad: State Hermitage. S. 61–77.
7. Surazakov, A.S. (1989) *Gornyy Altay i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [Mountain Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Problems of chronology and cultural delimitation]. Gorno-Altaysk: Alt. kn. izd-vo, Gorno-Alt. otd-nie.
8. Abdulganeev, M.T. (2001) *O komponentakh slozheniya bystryanskoy kul'tury* [On the components of the Bystryanskaya culture]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 285–287.
9. Shulga, P.I. (2015) *Snaryazhenie verkhovoy lozhadi v Gornom Altaye i verkhnem Priob'e* [Riding horse equipment in the Altai Mountains and upper Ob region]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS.
10. Kireev, S.M. (1992) *Pogrebeniya bystryanskoy kul'tury* [Burials of the Bystryanskaya culture]. In: *Problemy izucheniya istorii i kul'tury Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Problems of studying the history and culture of Altai and adjacent territories]. Gorno-Altaysk: GANIIYaL. pp. 54–58.
11. Frolov, Ya.V. (2008) *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [Funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in the 6th century BC – 2nd century AD (according to data from ground burial grounds)]. Barnaul: Azbuka.
12. Likhacheva, O.S. (2020) *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n.e.)* [Armament and military affairs of the population of the Forest-Steppe Altai in the early Iron Age (8th–1st centuries BC)]. Barnaul: IP Kolmogorov I.A.
13. Radovskiy, S.S. & Seregin, N.N. (2020) *Orientirovka pogrebeniykh v nekropolakh bystryanskoy kul'tury severnykh predgoriy Altaya (skifo-sakskoe vremya)* [Orientation of those buried in the necropolises of the Bystryanskaya culture of the northern foothills of Altai (Scythian-Saka time)]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 4(4). pp. 83–94.
14. Radovskiy, S.S. & Seregin, N.N. (2020) *Pogrebal'nye sooruzheniya naseleniya bystryanskoy kul'tury skifo-sakskogo vremeni (severnye predgor'ya Altaya)* [Burial structures of the population of the Bystryanskaya culture of the Scythian-Saka period (northern foothills of Altai)]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 4(1). pp. 20–37.
15. Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (1997) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [Scythian era of Gorny Altai]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University.
16. Shulga, P.I. (2008) *Snaryazhenie verkhovoy lozhadi i voinskie poyasa na Altaye* [Riding horse equipment and military belts in Altai]. Vol. 1. Barnaul: Azbuka.
17. Shulga, P.I. (2016) *Mogil'nik ranneskiifskogo vremeni Gilevo-10 v predgor'yakh Altaya* [The Early Scythian Burial Ground Gilevo-10 in the Altai Foothills]. Novosibirsk: NSU.
18. Ivanov, G.E. (1982) *K arkheologicheskoy karte verkhov'ev rek Kasmaly i Barnaulki* [On the Archaeological Map of the Upper Reaches of the Kasmaly and Barnaulka Rivers]. In: *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archaeology and Ethnography of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 24–52.
19. Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (1996) *Mogil'nik rannego zheleznoogo veka Staroaleyka 2* [The Early Iron Age Burial Ground Staroaleyka 2]. In: *Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 115–134.
20. Kireev, S.M., Akimova, T.A., Borodovskiy, A.P. & Borodovskaya, E.L. (2008) *Arkheologicheskie pamyatniki i ob'ekty Mayminskogo rayona* [Archaeological monuments and objects of the Maiminsky district]. Gorno-Altaysk: AKIN.

21. Shulga, P.I., Umanskiy, A.P. & Mogilnikov, V.A. (2009) *Novotroitskiy nekropol'* [Novotroitsky necropolis]. Barnaul: Altai State University.
22. Khudyakov, Yu.S. (1995) Kolleksiya oruzhiya skifskogo vremeni iz mogil'nika Saldam i Ust'-Edigan [Collection of weapons of the Scythian period from the burial ground of Saldam and Ust-Edigan]. In: *Izvestiya laboratorii arkheologii* [News of the Laboratory of Archeology]. Gorno-Altaysk: GAGU. pp. 87–101.
23. Stepanova, N.F. (1996) Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh i ikh datirovka [Burials in stone boxes and their dating]. In: *Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral rites of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 54–69.
24. Kubarev, V.D. & Shulga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (mounds of Chui and Ursula)]. Barnaul: Altai State University.
25. Shamshin, A.B., Demin, M.A. & Navrotskiy, P.I. (1992) Raskopki kurgannogo mogil'nika rannego zheleznoogo veka Mikhaylovskiy-VI na yuge Kulundy [Excavations of the burial mound of the early Iron Age Mikhailovsky-VI in the south of Kulunda]. In: *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla* [Issues of archeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age]. Barnaul: AltGPU. pp. 60–68.
26. Tishkin, A.A., Kiryushin, Yu.F. & Semibratov, V.P. (2011) Predmetnyy kompleks iz pamyatnika skifo-sakskogo vremeni Nizhnyaya Kayancha na Altae [Object complex from the monument of the Scythian-Saka period Nizhnyaya Kayancha in Altai]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XVII. Novosibirsk: SB RAS. pp. 243–247.
27. Shulga, P.I. (2002) Rannie kostyanye nakonechniki strel iz kurganov skifskogo vremeni na Altae [Early bone arrowheads from Scythian burial mounds in Altai]. In: *Materialy po voennoy arkheologii Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Materials on military archeology of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 43–61.
28. Kiryushin, Yu.F. & Stepanova, N.F. (2004) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [Scythian era of Gorny Altai]. Vol. 3. Barnaul: Altai State University.
29. Poltoratskaya, V.N. (1961) Mogil'nik Berezovka I [Berezovka I burial site]. In: *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage]. Vol. 3. Leningrad: State Hermitage. pp. 74–88.
30. Zavitukhina, M.P. (1966) Kurgannyi mogil'nik Srostki-II na Altae [The burial mound of Srostki-II in Altai]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Papers of the State Hermitage]. Vyp. XXVII. Leningrad; Moscow: State Hermitage. pp. 51–53.
31. Zavitukhina, M.P. (1961) Mogil'nik vremeni rannikh kochevnikov bliz g. Biyska [The burial mound of the early nomads near the town of Biysk]. In: *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage]. Vol. 3. Leningrad: State Hermitage. pp. 89–108.
32. Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (1997) *Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagitsken)* [Saki of the Lower Syr Darya (based on the materials of the Yuzhny Tagitsken burial ground)]. Moscow: ROSSPEN.
33. Abdulganeev, M.T. & Papin, D.V. (1999) Pamyatniki ranneskifskogo vremeni v mezhdurech'e Bii i Katuni [Monuments of the Early Scythian Period in the Interfluvium of the Biya and Katun]. In: *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the Study of the Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 5–13.
34. Mamadakov, Yu.T. (1995) Avariynye raskopki mogil'nika Katanda-3 [Emergency Excavations of the Katanda-3 Burial Ground]. In: *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of Protection, Study, and Use of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 125–131.
35. Gryaznov, M.P. (1980) *Arzhan: tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan: royal burial mound of the early Scythian period]. Leningrad: Nauka.
36. Mogilnikov, V.A. & Umanskiy, A.P. (1981) Kurgany rannego zheleznoogo veka na Chumyshe [Burial mounds of the early Iron Age on Chumysh]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology]. Vol. 167. pp. 80–86.
37. Tishkin, A.A. (1988) Pamyatniki rannego zheleznoogo veka lesostepnogo predgor'ya Altaya [Early Iron Age monuments of the forest-steppe foothills of Altai]. In: *Problemy arkheologii Severnoy Azii: k 80-letiyu akademika A.P. Okladnikov* [Problems of Archaeology of Northern Asia: On the 80th anniversary of Academician A. P. Okladnikov]. Chita: [s.n.]. pp. 65–66.
38. Kireev, S.M. (1994) Rol' migratsionnykh protsessov v slozhenii bystryanskoy kul'tury [The role of migration processes in the formation of the Bystryanskaya culture]. In: *Paleodemografiya i migratsionnye protsessy v Zapadnoy Sibiri v drevnosti i Srednevekov'e* [Paleodemography and migration processes in Western Siberia in ancient times and the Middle Ages]. Barnaul: Altai State University. pp. 118–120.
39. Marsadolov, L.S. (1996) *Istoriya i itogi izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya VIII–IV vekov do n.e. (ot istokov do nachala 80-kh godov XX veka)* [History and results of the study of archaeological sites of Altai of the 8th–4th centuries BC (from the origins to the early 1980s)]. St. Petersburg: Vichi.
40. Mogilnikov, V.A. (1999) K kharakteristike rannego zheleznoogo veka severo-zapadnykh predgoriy Altaya [On the characteristics of the early Iron Age of the northwestern foothills of Altai]. In: *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 134–138.

Сведения об авторах:

Мамадаков Юрий Тапасович – кандидат исторических наук, директор ООО Научный центр «Наследие Сибири» (Барнаул, Россия). E-mail: utm54@yandex.ru

Серегин Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Радовский Святослав Сергеевич – хранитель фондов Музея археологии и этнографии Алтая, младший научный сотрудник Лаборатории древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: radovskiy1996@mail.ru

Семибратов Владимир Петрович – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: semibratovvladimir@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mamadakov Yuri T. – Candidate of Historical Sciences, Director of Scientific Center “Heritage of Siberia” LLC (Barnaul, Russia). E-mail: utm54@yandex.ru

Seregin Nikolay N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University (Barnaul, Russia) E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Radovsky Svyatoslav S. – Curator of Collections at the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Junior Researcher of the Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: radovskiy1996@mail.ru

Semibratov Vladimir P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: semibratovvladimir@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 08.02.2022; accepted for publication 15.05.2025